

В.А. Горохов

Томск в XVII веке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Горохов**
Томск в XVII веке / В.А. Горохов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 174 с.

ISBN 978-5-458-17151-9

Материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII века.

ISBN 978-5-458-17151-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Желательный типъ сборниковъ матеріаловъ для исторіи сибирскихъ городовъ XVII в.

Въ концѣ XVI и въ теченіе XVII вв. Сибирская окраина представляла значительныя отличія въ ряду другихъ окраинныхъ областей Московскаго государства какъ по своему политическому значенію, такъ и по характеру задачъ, которыя предстояли тамъ для разрѣшенія. На сѣверо-западѣ Московское государство, сталкиваясь съ германско-протестанскимъ міромъ, уже давно преслѣдовало одну заветную цѣль—доступъ къ Балтійскому морю; на западѣ шла нескончаемая вражда съ сильнымъ и соперничавшимъ польско-католическимъ міромъ за обладаніе промежуточными спорными областями; на юго-западѣ нужно было сначала привлечь безпокойный, вѣчно волнующійся казацкій міръ, и потомъ окончательно подчинить его Москвѣ. Наконецъ, на югѣ простиралось „дикое поле“, черезъ которое Крымъ и стоявшая за его спиной Турція постоянно протягивали свои разрушительныя руки и задерживали распространеніе московскаго владычества на югѣ. Даже Астрахань, самый дальній изъ понизовыхъ городовъ, представлялъ для Московскаго государства политическую опасность, такъ какъ и черезъ нее мусульманскій міръ старался дѣйствовать противъ Москвы. Сибирь же, находившаяся въ страшномъ отдаленіи отъ центральныхъ областей, населенная первобытными слабыми инородцами, почти незамѣтнымъ слоємъ раскинутыми по ея необъятной поверхности, сосѣдя на отдаленнѣйшей своей границѣ съ полумиѳическимъ тогда для Москвы „Богдойскимъ государствомъ“,—была, конечно, совершенно внѣ круга тѣхъ политическихъ интересовъ и задачъ, которые такъ ярко обнаруживались во всѣхъ европейскихъ окраинныхъ областяхъ Московской Руси.

Съ другой стороны, какъ сама культурно-общественныя задачи, которыя предстояло разрѣшить въ Сибири, такъ и пути для ихъ разрѣшенія были тамъ совершенно иные, чѣмъ въ европейскихъ окраинныхъ областяхъ Московскаго государства. Тамъ не нужно было усиленно утверждать московскій помѣстный элементъ, какъ въ Псковско-Новгородской области и на территоріи бывшаго Казанскаго царства; не пред-

стояло надобности разрѣшать щекотливые религіозные и національные вопросы, какъ въ западныхъ и юго-западныхъ областяхъ со старинной и болѣе высокой культурой, не для чего было вырабатывать извѣстный *modus vivendi*, какъ на югѣ въ сношеніяхъ съ малороссійскимъ казачествомъ и обитателями донскихъ казачьихъ городковъ. Сибирь была, можно сказать, *res nullius*, которую нужно было только занимать и заселять, и гдѣ для русскихъ борьба съ природой была гораздо труднѣе, чѣмъ съ туземнымъ населеніемъ. Прошлыя отношенія не завѣщали московскому правительству въ Сибири никакихъ сложныхъ и трудныхъ историческихъ задачъ, а отношенія вновь сложившіяся были до такой степени просты и элементарны, можно сказать, стихійны, что новыя мѣстныя русскія власти свободно могли поступать „по своему вымотру и какъ Богъ укажетъ“. Эти, указанныя въ общихъ чертахъ, особенности Сибири въ ряду другихъ окраинныхъ областей Московскаго государства, на весь XVII-й и на часть XVIII вв. опредѣлили ходъ и направленіе сибирской исторіи и въ настоящее время указываютъ пути, приемы и задачи историческаго изученія Сибири XVII в. Заселеніе Сибири со всѣми привходящими сюда обстоятельствами, подробностями и характерными мѣстными особенностями — центральный вопросъ сибирской исторіи XVII в. Колонизація правительственная, подраздѣлявшаяся на служилую, земледѣльческую и ссыльную, вольно-народная, развѣтлявшаяся на торгово-промышленную, преобладавшую въ первое время, а потомъ уже съ ясно выраженнымъ возобладавшимъ земледѣльческимъ характеромъ, наконецъ, колонизація монастырская, — таковы пути и способы, которыми осуществлялась главнѣйшая задача исторической жизни Сибири въ XVII в. При детальной разработкѣ этого основного лейтъ-мотива сибирской исторіи XVII в., конечно, встрѣчаются характерныя особенности, объясняемыя мѣстными условіями, и изъ нихъ на первомъ планѣ — неизвѣстные по эту сторону Урала просторъ и свобода, благодаря чему могли обнаруживаться органическія индивидуальныя свойства русскаго человѣка XVII в., стѣсняемая и подавляемая въ предѣлахъ до-уральской Руси. Итакъ, прослѣдить хронологически и географически занятіе Сибири русскимъ элементомъ, указать формы, въ которыхъ выливалось приспособленіе пришельцевъ къ новымъ условіямъ жизни, подмѣтить отличія этихъ формъ въ новой колоніи сравнительно съ кореннымъ русскимъ строемъ и объяснить эти отличія и, наконецъ, указать варіаціи, вызываемыя географическими условіями и хронологическими разницами, — вотъ задачи, съ которыми неизбежно должно столкнуться при изученіи исторической жизни Сибири въ XVII в. Нетрудно видѣть уже *a priori*, что, при указанномъ

сейчасъ характеръ и направленіи сибирской жизни въ XVII в., интересы и вопросы чисто экономическіе должны стоять на первомъ планѣ, и явленія жизни экономической должны имѣть преобладающее, почти исключительное значеніе при историческомъ изученіи этой эпохи. Какъ бы ни былъ простъ и несложенъ жизненный укладъ данной человѣческой группы, ея хозяйственная структура является всюду фактомъ положительнымъ и легко усматриваемымъ, а социально-экономическіе мотивы вездѣ и всюду оказываются важнѣйшими возбудителями жизни. Это вполне оправдывается при изученіи сибирской жизни XVII в.

Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, имѣющихъ цѣлью выяснить нашу точку зрѣнія вообще на задачу историческаго изученія Сибири XVII в. и тѣмъ указать на пути и приемы этого изученія, переходимъ къ вопросу, поставленному въ заголовкѣ настоящаго сообщенія, имѣя въ виду иллюстрировать этимъ высказанныя выше соображенія.

Сибирскій городъ въ XVII в., особенно въ первой его половинѣ, по своей хозяйственной структурѣ немногимъ отличался отъ сибирской деревни, притомъ, главнымъ образомъ, количественно—своими большими размѣрами. Его населеніе, состоявшее изъ людей служилыхъ, посадскихъ, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, еще совершенно не дифференцировалось въ области труда: земледѣлемъ, торговлей и разными промыслами занимались какъ служилые люди всѣхъ категорій, начиная съ пѣшихъ казаковъ и стрѣльцовъ и кончая приказными, дѣтьми боярскими и даже воеводами,—такъ и посадскіе, и крестьяне, и духовенство, и монахи. Уже изъ одного этого можно заключить, насколько важную роль въ жизни города играли хозяйственные, экономическіе вопросы и интересы и какъ захватывали они рѣшительно всѣ слои городского населенія. Городъ въ хозяйственномъ отношеніи такъ тѣсно сливался съ деревней, что трудно отличить, гдѣ кончалась послѣдняя и гдѣ начинался первый. Верхній слой служилыхъ людей, имѣвшихъ въ городахъ болѣе или менѣе постоянную осѣдность, владѣлъ деревнями въ окрестностяхъ, гдѣ и предавался сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, какъ и посадскіе и городскіе крестьяне на своихъ заимкахъ. Такимъ образомъ, въ городахъ были только болѣе сконцентрированы сибирскіе колонизаторы одного общаго типа, но лишь различныхъ категорій. Возникая изъ остроговъ, которые лишь въ самое первое время служили исключительно военными опорными пунктами, города скоро наполнялись элементами, исключительно связанными съ землей, промысломъ, торговь, и въ этомъ отношеніи съ ними вполне сливались и элементы служилые. Изъ сибирскихъ городовъ отправлялись экспедиціи служилыхъ людей или для защиты занятыхъ

русскими отъ „немирныхъ инородцевъ“ хозяйственныхъ угодій, или для „провѣдыванія“ и объясачиванія „новыхъ земель“, имѣя въ виду исключительно интересы фиска, причѣмъ этимъ экспедиціямъ обыкновенно сопутствовали, а иногда и предшествовали, торговые, промышленные и гулящіе люди. Наконецъ, даже самыя правительственныя цѣли и задачи не выходили изъ сферы чисто-экономическихъ вопросовъ; московскому правительству того времени были совершенно чужды вопросы народнаго здравія, народнаго образованія, развитіе и улучшеніе путей сообщенія, регулированіе отношеній между трудомъ и капиталомъ, введеніе болѣе тонкой и сложной системы налоговъ косвенныхъ и т. п., что входитъ теперь въ задачи всякаго правительства, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ и осложненіемъ общественной жизни. Въ Сибири XVII в. на первомъ планѣ правительственныхъ заботъ стояли интересы фиска въ самой несложной и грубой формѣ: сборъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ, раздача денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованья служилымъ людямъ съ наибольшей выгодой для казны, „приборъ“ пашенныхъ людей на пашню и т. п. Къ чисто-экономической сторонѣ жизни сводятся и почти всѣ судебныя дѣла, возникавшія въ Сибири XVII в.; это основной мотивъ всѣхъ челобитій ямщиковъ, инородцевъ, пашенныхъ крестьянъ, служилыхъ людей; почти всѣ жалобы на воеводу вызывались ихъ грубыми нарушеніями экономическихъ интересахъ населенія. Наконецъ, познакомившись съ общимъ характеромъ документовъ, отражающихъ жизнь Сибири въ XVII в. и входящихъ въ составъ дѣлъ Сибирскаго приказа (нынѣ въ московскомъ архивѣ м-ва юстиціи) и особенно детально разсмотрѣвъ имѣющіеся тамъ документы для исторіи двухъ городовъ, находящихся на противоположныхъ концахъ Сибири XVII в.—именно Тюмени и Иркутска,—мы пришли къ окончательному убѣжденію, что, 1) центръ тяжести сибирской жизни XVII в. лежитъ въ вопросахъ и интересахъ экономическаго характера; что, 2) сибирскій городъ по хозяйственной структурѣ и по господству въ немъ интересовъ экономическаго порядка почти ничѣмъ не отличался отъ деревни, и что, поэтому, 3) для общаго уразумѣнія сибирской жизни въ XVII в. необходимо начать съ города, такъ какъ въ немъ, какъ въ фокусѣ, лучше всего и сконцентрировались элементы сибирскаго общества XVII в., и нашли наиболѣе яркое и полное выраженіе основныя проблемы тогдашней общественной жизни.

Къ сожалѣнію, изученіе сибирскихъ городовъ находится еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Кое-какія свѣдѣнія о нихъ, главнымъ образомъ, чисто внѣшняго характера, разбросаны въ общихъ историческихъ обзорѣніяхъ Сибири (Мил-

лера, Словцова, Андріевича); попытки дать историческое описание нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ (Тобольскъ—Вѣляева и Голодникова, Тюмень—Абрамова, Томскъ—въ книгѣ Адрианова „Томскъ въ прошломъ и настоящемъ“, Иркутскъ въ изданіи Сукачева „Иркутскъ“) нужно признать слабыми и неудачными, особенно въ ихъ частяхъ, относящихся къ XVII вѣку, какъ исключительно компилятивныхъ и даже преждевременныхъ по отсутствію необходимыхъ подготовительныхъ работъ хотя бы въ видѣ сборниковъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архивовъ. Кромѣ того, авторы этихъ трудовъ, не принимая въ соображеніе скудости необходимаго фактическаго матеріала, находившагося въ ихъ распоряженіи, — стремились дать всестороннее историческое описание даннаго города, совершенно упуская изъ вида, что вслѣдствіе особенныхъ условій сибирской жизни на первый планъ должна быть выдвинута одна доминирующая сторона, указанная нами выше.

Опубликованные матеріалы, касающіеся внутренней экономической жизни сибирскихъ городовъ и состава ихъ населенія въ XVII вѣкѣ, очень скудны и разбросаны въ различныхъ томахъ Актовъ Историческихъ, Дополненій къ нимъ, въ II и VIII томахъ Русской Историч. Библ. и въ I т. Памятниковъ сибирской исторіи XVIII в. (по 1700 г.). Уцѣлѣвшія лѣтописи сибирскихъ городовъ (Тобольска, Иркутска) даютъ весьма мало матеріала въ этомъ отношеніи: онѣ исключительно обращаютъ на событія чисто внѣшней жизни: построеніе храмовъ, смѣну воеводъ, пожары и т. п. Впрочемъ, для пяти сибирскихъ городовъ въ 80-хъ годахъ были изданы нѣкоторые матеріалы, извлеченные изъ московскаго архива м-ва юстиціи, болѣе полные для Тобольска и Иркутска и менѣе подробные и обстоятельные для Якутска, Селенгинска и Нерчинска.

Въ сборникѣ „Иркутскъ. Матеріалы для исторіи городовъ въ XVII и XVIII вв.“ находятся: опись 1684 г., писцовыя книги 1686 г., переписныя 1698 г. и переписныя книги выбывшихъ послѣ 1, 2 и 3-й ревизій. Въ подобномъ же сборникѣ для Тобольска имѣемъ: дозорную 1624 г., переписную 1626—27 гг., списокъ 1633 г. (составъ служилыхъ людей и возлагаемыя на нихъ порученія), переписную 1638 г., смѣтные списки 1638—91 гг., окладную 1655 г. и 1696 г. крестоприводныя записи 1682 г. (списокъ служилыхъ людей), смѣтные списки 1693—1707 гг. и переписную 1698 г. Сборникъ, посвященный Нерчинску, уже гораздо скуднѣе: именные книги 1685—99 гг., вѣдомость 1701 г. (свѣдѣнія о „городѣ“, „зельѣ“, жителяхъ, а другіе документы сборника уже относятся вполнѣ къ XVIII в. Якутскій сборникъ содержитъ окладныя 1681—1709 гг., третныя книги служилыхъ людей 1670—81 гг., а также 1693 и 1699 и вѣдомость 1701 г.

(остальные документы относятся уже къ XVIII в.). Скуднѣе всѣхъ селенгинскій сборникъ, въ которомъ къ экономической исторіи города относятся только окладныя книги 1681—1694 гг. Изъ перечисленія документовъ, содержащихся въ этихъ сборникахъ, нетрудно заключить о довольно случайномъ характерѣ послѣднихъ, вслѣдствіе чего въ нихъ замѣтна неполнота, односторонность и особенно отсутствіе общаго плана, общей идеи. Въ сборникъ якутскомъ, и особенно иркутскомъ и тобольскомъ, весьма удовлетворительно выраженъ составъ населенія этихъ городовъ въ XVII в., а тобольскій даетъ даже удовлетворительныя представленія объ экономическомъ положеніи населенія, хотя и неполное. Но даже и въ тобольскій сборникъ не вошли документы, характеризующіе условія торговой дѣятельности населенія, уровень и условія дѣятельности промысловой, различныя повинности и денежные сборы съ населенія и вообще всѣ документы таможеннаго управленія. Такимъ образомъ, сравнительное богатство и разнообразіе тобольскаго сборника зависитъ не отъ плана, положеннаго въ его основу, а оттого, что въ архивѣ министерства юстиціи вообще много документовъ, относящихся къ исторіи Тобольска.

Познакомившись съ содержаніемъ документовъ, отражающихъ жизнь сибирскихъ городовъ XVII в., и классифицируя ихъ съ точки зрѣнія установленныхъ выше общихъ началъ, нетрудно разбить ихъ на извѣстныя группы и, такимъ образомъ, уяснить себѣ желательный типъ сборниковъ матеріаловъ для исторіи сибирскихъ городовъ XVII в. Прежде всего, конечно, необходимо ориентироваться въ той внѣшней обстановкѣ, въ которой зарождались и развивались социально-экономическія явленія, составлявшія главнѣйшее содержаніе жизни старинныхъ сибирскихъ городовъ. Документы этой категоріи нужно искать, прежде всего, въ воеводскихъ отпискахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о построеніи остроговъ и городовъ. Здѣсь можно найти чертежи самихъ городовъ (напр., Тары, Туринска), зданій (напр., рисунки Благовѣщенскаго собора въ Тюмени). Сюда же относятся немногія изъ дошедшихъ „строельныхъ“ книгъ, какъ, напр., енисейская 1667 г. и особенно илимская 1654 г. съ планомъ и описаніемъ дворовъ жилацкихъ людей за острогомъ. Въ дѣлахъ о службѣ воеводъ (именно среди отписокъ и грамотъ таможеннаго управленія) также говорится объ основаніи новыхъ городовъ и остроговъ и приводятся иногда ихъ краткія описанія. Свѣдѣнія о состояніи самихъ „городовъ“ (цитаделей) даютъ „росписные списки“ (т. е., описанія „города“ и всего, что новый воевода принималъ у стараго), и „городовые списки“, почти равныя по своему содержанію „смѣтнымъ книгамъ“. Древнѣйшая роспись подобнаго рода относится къ томскому острогу 1627 г. Сюда же относятся „вѣдомости“

сибирскихъ городовъ 1698—99 гг. Хотя въ большинствѣ „дозорныхъ“ книгъ не говорится о городахъ, но и въ этихъ книгахъ можно найти данныя разсматриваемой категоріи, напр., въ тобольской, составленной Неудачей Молчановымъ. Въ дозорныхъ книгахъ Качанова (1700—1701) всегда находятся описанія городовъ и весьма подробныя, какъ, напр., разсмотрѣнная нами тюменская дозорная книга 1700 г. Нѣкоторыя изъ переписныхъ книгъ даютъ описаніе не только уѣздовъ, но и городовъ, какъ, напр., тобольская 1624 г. и тюменская того же года, также разсмотрѣнная нами. Этого рода документы (въ извлеченіяхъ, въ соотвѣтствіи съ предметомъ рѣчи) должны начинать собою подобныя сборники и располагаться въ хронологической послѣдовательности, чтобы дать картину внѣшняго развитія города во времени. Вслѣдъ загѣмъ выдвигается вопросъ о составѣ населенія этихъ городовъ. Въ соотвѣтствіи съ общимъ дѣленіемъ населенія на служилыхъ и ружниковъ, посадскихъ, крестьянъ, ямщиковъ, заѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей и, наконецъ, городского пролетаріата (бобылей, захребетниковъ, гулящихъ людей и т. п.) должны заключаться и регистрирующіе ихъ документы, или *in toto*, гдѣ это возможно, или въ извлеченіяхъ. Эти данныя находятся въ большинствѣ перечисленныхъ выше документовъ, особенно въ дозорныхъ и переписныхъ книгахъ; о служилыхъ и ружникахъ даютъ понятіе также „окладныя книги жалованья“, причѣмъ вопросъ о служиломъ населеніи городовъ сливается съ вопросомъ объ его вознагражденіи. О служилыхъ людяхъ и ихъ вознагражденіи имѣются также полныя свѣдѣнія въ „послужныхъ спискахъ“. Съ посадскими и крестьянами знакомятъ „именныя оброчныя книги“, „именныя книги посадскихъ людей о годовомъ оброкѣ“. „Оброчныя книги“ дѣлятся на три категоріи: однѣ даютъ имена посадскихъ съ перечнемъ ихъ годовыхъ оброковъ, другія перечисляютъ и особыя оброчныя статьи, а третьи говорятъ о различныхъ натуральныхъ повинностяхъ посадскихъ людей. Тамъ, гдѣ это возможно, для характеристики именно состава городского населенія пригоднѣе всего оброчныя книги первой категоріи. „Ямскія книги“ говорятъ объ ямщикахъ, какъ о весьма замѣтномъ элементѣ населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Тюмени. „Строельныя книги тюменскаго яма“ 1630 г. даетъ хорошее представленіе объ ямщикахъ, ихъ вознагражденіи и обязанностяхъ, а „разгонныя“ книги той же Тюмени—картину ихъ обычной, ежедневной службы. Торговый слой населенія сибирскихъ городовъ XVII в., почти исключительно назвѣній, непостоянный, главнымъ образомъ отражается въ „отпускныхъ книгахъ“, въ которыхъ говорится или объ отпускѣ промышленныхъ людей для промысла, или торговыхъ для торговли, или вмѣстѣ гово-

рится о тѣхъ и другихъ. О томъ же говорится во множествѣ уцѣлѣвшихъ „проѣзжихъ памятей“. По „проѣзжимъ памятямъ“ иногда составлялись цѣлыя „росписи“ торговымъ людямъ, отпущеннымъ „къ Руси“, напр., тобольская, изъ которой видно, что и въ столицѣ Сибири торговое дѣло находилось въ рукахъ пришлыхъ людей, почти исключительно изъ поморскихъ городовъ. Сюда же должны относиться и переписныя книги пришлымъ людямъ.

О послѣднемъ и самомъ нижнемъ словѣ городскихъ обывателей — бобыляхъ, захребетникахъ и пр. даютъ понятіе переписныя, дозорныя, отчасти оброчныя книги, а о гулящихъ людяхъ — ихъ челобитья, вообще достаточно выясняющія ихъ роль въ сибирскихъ городахъ XVII в.

Переходя къ болѣе детальному выясненію вопроса о томъ, какъ отражаются служилые люди сибирскихъ городовъ въ соответствующей категоріи документовъ, нужно остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должны стоять книги „верстальныя“ и „разборныя“, гдѣ говорится или о приѣмѣ на службу, или о ревизіи уже принятыхъ на службу мѣстнымъ начальствомъ. Напр., енисейская „разборная“ книга бѣломѣстныхъ казаковъ 1680 г. говоритъ о разборѣ и отставкѣ служилыхъ изъ крестьянъ и посадскихъ и о верстанѣ дѣтей служилыхъ людей. Тобольская „разборная“ книга 1660 г. носитъ характеръ настоящей ревизіи: въ ней разсматривается, правильно ли происходило верстанье въ служилые люди, особенно въ боярскіе дѣти. Томская разборная 1680 г. опредѣляетъ годность или негодность наличныхъ служилыхъ людей для военной службы. Такимъ образомъ, документы этой категоріи важны для уясненія того, откуда и какъ пополнялся въ сибирскихъ городовъ мѣстный контингентъ служилыхъ людей. Многочисленныя и весьма разнообразныя обязанности служилыхъ людей хорошо отражаются въ „послужныхъ спискахъ“; изъ нихъ нѣкоторые, какъ, напр., тюменскій 1680 г., представляютъ собою цѣлыя формуляры, цѣлыя служебныя біографіи. Наконецъ, вопросъ о вознагражденіи служилыхъ людей въ то время рѣшается какъ на основаніи „послужныхъ списковъ“, такъ и упомянутыхъ выше „окладныхъ книгъ“. Эти „окладныя книги“, въ свою очередь, можно разбить на нѣсколько группъ: въ однѣхъ книгахъ говорится о всѣхъ видахъ „окладовъ“ — денежномъ, хлѣбномъ, соляномъ и пр., или о нѣсколькихъ, или, наконецъ, только объ одномъ. „Раздаточныя книги жалованья“ говорятъ только о денежномъ вознагражденіи за службу. Въ дозорныхъ и переписныхъ книгахъ также говорится о вознагражденіи служилыхъ людей, которые вмѣсто хлѣбнаго жалованья получали извѣстное количество пашни. Здѣсь же могутъ найти себѣ мѣсто дѣла о тѣхъ ссыльныхъ,

которые верстались въ службу, особенно изъ числа „литовскихъ людей“. Росписъ этихъ ссыльныхъ происходила обыкновенно въ Томскѣ или Тобольскѣ; въ росписяхъ указывались, когда и кто прибылъ (и семья), куда устроенъ, крестился ли, женился ли на русской. „Остающимъ“ иноземцамъ велись особья росписи. Документы этой категоріи даютъ понятіе о степени освѣженія сибирскаго служилаго контингента пришлымъ, постороннимъ элементомъ. Если служилые люди получали за свои труды извѣстное вознагражденіе, то тяглое сословіе было обременено множествомъ уже безвозмездныхъ повинностей. Эта сторона вопроса отражается въ документахъ, которые также должны найти себѣ мѣсто въ сборникахъ рассматриваемаго типа: различныя росписи „подѣлокъ“ посадскихъ людей, годовыхъ ихъ службъ, посылокъ; сюда-же должно отнести и ихъ челобитья, какъ по поводу тяжести упомянутыхъ сейчасъ службъ, такъ и службъ „вѣрныхъ“, о которыхъ рѣчь будетъ дальше.

Документы чисто финансоваго и фискальнаго характера должны занять очень видное мѣсто въ сборникахъ, типъ которыхъ мы стараемся установить, въ виду преобладанія финансоваго, фискальнаго элемента во всей системѣ управленія въ до-петровской Руси. Этотъ отдѣлъ сборника долженъ начаться „денежными смѣтами и помѣтами“, т. е. денежными приходными и расходными книгами, въ которыхъ заключаются всѣ виды расходовъ и всѣ статьи доходовъ, окладныхъ и неокладныхъ. Эти документы даютъ читателю также понятіе о бюджетномъ уровнѣ сибирскаго города XVII в., причемъ бюджетнаго равновѣсія обыкновенно не замѣчается въ виду значительнаго перевѣса расходовъ надъ доходами. Эта категорія документовъ чрезвычайно обильна для cadaго сибирскаго города и можетъ быть расположена по цѣлому ряду хронологическихъ ступеней. Система налоговъ, подходящихъ подъ категорію неокладныхъ сборовъ, получила въ сибирскихъ городахъ весьма широкое развитіе и была разработана весьма подробно. Эти многочисленныя пошлины и повинности можно разбить на три главныхъ группы: 1, съ покупокъ и продажъ мѣстныхъ жителей, 2, съ промысловъ, 3, съ операций пріѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Документы, иллюстрирующіе налоги на торговлю и промыслы въ сибирскихъ городахъ XVII в., находятся въ „таможенныхъ книгахъ“ общаго типа и носятъ разныя названія въ соотвѣтствіи съ видомъ сбора и предметомъ обложенія. Десятинныя таможенныя пошлины были очень распространены и охватывали всѣ виды продажъ и покупокъ мѣстныхъ жителей, что и отразилось въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ таможенныхъ книгъ: съ мягкой рухляди, съ хлѣбной продажи и помѣру, съ продажи рыбы, хмѣля и разной ме-

лочи, пошерстное, роговое, посаженное (съ дощаниковъ, лодокъ, кажковъ). Прїѣзжіе торговые и промышленные люди платили явчюю головщину, полозовое зимой и посаженное лѣтомъ, десятину съ привезенныхъ („русскихъ“) товаровъ, полавочное, поамбарное, „для товарнаго береженья“, порублевое (по гривнѣ съ рубля объявляемыхъ капиталовъ). На всѣ виды мѣстныхъ промысловъ, очень немногочисленныхъ и довольно первобытныхъ, былъ положенъ особый оброкъ. Кромѣ того, казна извлекала доходы путемъ налога на дворы и бани, отдачей на откупъ площаднымъ подьячимъ „площадного письма“, поголовной пошлиной съ „холопыхъ крѣпостей“, а во вторую половину XVII в. введя „вѣрную систему“, „перевозное вѣрное бранье“, съ прорубей и т. п.

Сюда же относятся „сборныя книги 10-й деньги“ съ животовъ, торговъ и промысловъ—перечень произведенной „окладчиками“ оцѣнки имущества, капиталовъ, торговъ и промысловъ населенія, и уцѣлѣвшіе для нѣкоторыхъ городовъ сборники „скасокъ“ служилыхъ“ жилаецкихъ людей объ ихъ торгахъ и промыслахъ. Таможенные книги въ Сибири XVII в. отличались вообще большимъ разнообразіемъ по времени и по мѣсту. Очень многочисленныя виды ихъ въ началѣ столѣтія все болѣе и болѣе сокращались, въ значительной степени, благодаря челобитьямъ торговыхъ и промышленныхъ людей, для которыхъ было, конечно, очень неудобна крайняя дробность обложенія, такъ что въ концѣ столѣтія мы уже находимъ годовой оброкъ въ полтину и полуполтину, впрочемъ, при существованіи 10-й пошлины съ „русскихъ“ и китайскихъ товаровъ и мягкой рухляди. Разнообразіе видовъ обложенія стояло также въ прямой зависимости отъ величины и торговаго значенія даннаго города: напр., въ Тюмени и Енисейскѣ виды торговаго обложенія были безконечно разнообразнѣе, чѣмъ въ Томскѣ или Иркутскѣ. Кромѣ таможенныхъ книгъ общаго типа, нужно упомянуть о квивахъ исключительно частнаго типа, зарегистрированныхъ лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей: напр., мѣновыя для Енисейска, поголовныя, привальныя, отѣзжія для Туруханска. Къ категоріи финансовыхъ документовъ относятся и „земскія приходныя и расходныя книги“, къ сожалѣнію, лишь въ небольшомъ количествѣ дошедшія отъ 30-хъ годовъ XVII в. изъ Енисейска и Мангазеи. Эти документы имѣютъ важное значеніе для исторіи „жилаецкаго міра“ въ сибирскихъ городахъ, такъ какъ говорятъ о „мірскихъ сборахъ“ съ „мірскихъ людей“ Енисейска и Мангазеи, съ прїѣзжихъ и мѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей и о расходованіи этихъ суммъ по мірскимъ приговорамъ на земскіе и государевы расходы; эти деньги собирали „выборные“ „заказные“ цѣловальники, которые и вносили ихъ въ лѣтовныя, поживотенныя и поголовныя